Яков Слепков

«“Что, папочка, хороший роман?” — “Нет, плохой”»

КНИГА О В.Б. ШКЛОВСКОМ И ЕГО СЕМЬЕ

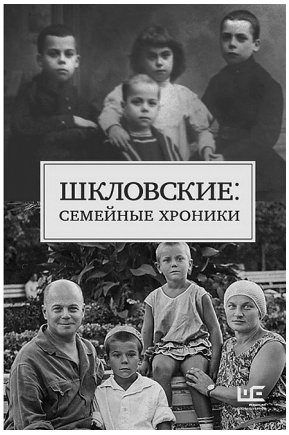
DOI: 10.53953/08696365_2026_201_5_332

Громова Н., Позднякова Т. Шкловские: семейные хроники.

М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2025. — 544 с. — 2000 экз.

Перефразируя отзыв В.Б. Шкловского на знаменитый фильм о Пушкине «Поэт и царь»[1], хочется сказать: книга могла бы быть замечательной, между тем она огорчительна[2].

Исследование состоит из трех частей: «Была семья» (охватывает 1768–1924 гг.), «Братья Шкловские» (1923–1940), «Один и другие» (1941–1984). Первая повествует об истории рода, особенно подробно о родителях братьев Владимира и Виктора Шкловских; во второй синхронно показаны их жизни; в третьей речь идет о судьбе Виктора и его окружении.



Безусловным достоинством книги является введение в научный оборот новых материалов, в первую очередь документов из семейного архива, которые не доступны исследователям. Среди них семейная переписка (письма Виктора Шкловского, В.Г. Шкловской-Корди, их сына, С.Г. Суок (Нарбут)), письмо солагерника В.И. Нарбута Ф.И. Гоппа, стихотворение Н.Б. Шкловской, заявление Виктора Шкловского в Военную прокуратуру СССР 1955 г., его же обращение к В.И. Лебедеву-Кумачу и многое другое. Хорошо зная материал и пользуясь обширным кругом источников, авторы постарались через историю рода показать историю России конца XIX–XX вв. И, может быть, книга эта правдива, и выводы Поздняковой и Громовой — верны. Тем не менее сама работа над решением поставленной задачи представляется мне неверной: в книге немало необоснованных допущений и ошибок; изложение фактов на поверку оказывается некорректным. Издание названо литературно-художественным, но без всяких оснований претендует на научность.

В текст книги проникло личное отношение авторов к материалу: книга Громовой и Поздняковой полна оценок, которые даны Шкловским и их окружению. Приведу несколько примеров. Первый — из главы, посвященной внутрисемейным отношениям. После выписок замечаний из «кондуита» Владимира Шкловского авторы предлагают следующее обобщение, занимающее отдельный абзац: «Обыкновенный мальчик. Даже, пожалуй, слишком послушный: ведь меньше шести за-

1 Пушкинисты о «Поэте и царе» // Советский экран. 1927. № 43. С. 4.

2 Я не касаюсь в этом отзыве трудной издательской судьбы книги, которая вышла не под авторским названием («Сага о Шкловских») и без имен авторов на обложке, поскольку это тема для отдельного разговора.

мечаний за целых шесть лет, а так — за внимание, прилежание, поведение почти всегда — пять. Удобный ребенок» (с. 46). Почему замечания учителей должны быть основой для суждения об отношении к мальчику родителей?

Другой пример — из главы «“Не переменился на свете, может быть, один Володя”. 1935–1937. Продолжение тихой жизни Натальи. Смерть Дионео. Владимир Шкловский: последние годы на свободе»: «Девочки привычно ссорились с бабушкой, хотя она по-своему и была к ним привязана» (с. 311). Что это значит — «по-своему»? Здесь Позднякова и Громова говорят так, будто знают мысли «бабушки», но допустимо ли такое отношение не к персонажу, а к реальной личности? Думаю, нет. О той же Варваре Карловне Шкловской (Бундель) с чрезмерно литературными подробностями они пишут в другом месте: «Тосковала без Володи даже в дни короткой с ним разлуки, раздражалась на внучек, стала подумывать о собственной смерти, о том, как и кому оставит нажитые вещи» (с. 306–307).

Непонятно и стремление называть героев по имени и отчеству. Книгу населяют не только разнообразные Шкловские, но и Лидии Корнеевны или Ольги Густавовны.

Авторы злоупотребляют одним и тем же риторическим приемом: книга изобилует «удочками», будто без них читателю будет неинтересно. Вот небольшой перечень последних фраз разных глав: «Но есть ведь еще и самый старший…» (с. 47), «Но вернемся к Шкловскому-футуристу» (с. 71), «Но тут началась война» (с. 79), «Но страх никогда не отпускал» (с. 172), «Но и этот ответ будет неполон» (с. 349), «Но все-таки?» (с. 384), «Но скандалы (а может, игра?) оставались неотъемлемой частью их жизни» (с. 420). Кажется, этого довольно, чтобы сделать вывод о качестве работы литературного редактора.

Ничем не лучше такое манипулятивное (вовсе не контекстуализирующее) окончание одной из глав: «До Большого террора оставалось еще несколько лет…» (с. 260).

Неуместна при рассказе о допросах в ОГПУ подобная шутка: «Практикант СПО СОУ ПП ОГПУ в ЛВО с нежной фамилией Божичко <…>» (с. 273). Кстати, зачем было использовать аббревиатуру и давать ее расшифровку в сноске, если это авторский текст, а не цитата? Полное название для интересующихся: «Секретно-политический отдел Секретно-оперативного (здесь авторы пропустили слово «управления». — *Я.С.*) полпредства (вернее: «Политического представительства». — *Я.С.*) Объединенного государственного политического управления в Ленинградском военном округе» (там же).

Авторы не стесняются делиться рождающимися у них ощущениями: «Листая протоколы допросов Владимира Шкловского, мы видим, как он постепенно <…> начинал придавать своим ответам определенную идеологическую окраску и говорить словно не своим голосом» (с. 270). Кому как не Поздняковой и Громовой, специалистам по истории XX в., знать, что в протоколах допросов почти никто и почти никогда не говорит «своим голосом».

Наконец, обращает на себя внимание, что соответствие названия главы ее содержанию выдержано не всегда. Увидев заголовок: «“Старшие братья уже ходили в школу”. 1901–1905. Владимир, Николай, Евгения, Виктор <…>», читатель вправе ждать если не равномерного, то хотя бы немного содержательного рассказа о каждом из упомянутых детей. Но Евгения Шкловская на четырех страницах появляется в трех предложениях: «Для дочки — гимназия. Мальчикам — хорошее реальное» (с. 44); 2) «Иногда вместе с мамой пыталась петь и Женя» (с. 44–45); 3) «Успешно училась <…> и Евгения. Чуть ниже были баллы у брата Коли» (с. 46). В сравнении с Николаем Шкловским ей повезло. Процитированное предложение — единственное упоминание в главе о нем.

Сказанное выше можно назвать придирками не по существу, поэтому перейду к претензиям другого рода. Удручает неаккуратность работы с библиографией. Например, авторы упускают, что в книге, описанной ими как «*Зощенко М.* Статьи и материалы» (см. с. 440), имя — это элемент заголовка, а не указание на автора[3].

Работа с источниками и вовсе ставит в тупик. К чему, например, цитировать дневники Б.М. Эйхенбаума по сайту научно-исследовательского центра «Прожито»? Напомню, что этот сайт сообщает посетителям: «Текст взят из оригинальной публикации и подготовлен к загрузке на сайт волонтером. Участники “Прожито” не работали с рукописью. При необходимости цитирования — обратитесь к первопубликации или оригиналу»[4].

По непонятной причине содержание некоторых документов авторы предпочитают пересказать, не приводя их дословно. И тогда вместо яркого, по-детски непосредственного текста о путешествии в метро, написанного кузенами Васей (Василисой Михайловной Бобрик) и Китей (Никитой Викторовичем Шкловским-Корди), мы вынуждены читать безыскусный пересказ (см. с. 306). Решение представляется тем более спорным, что текст впервые был опубликован в 2021 г. самой Громовой[5]. Зато наравне с источниками приводится обширная цитата из другой ее книги (см. с. 261–262). Неприемлемым представляется то, что на другую книгу Громовой авторы ссылаются и тогда, когда в этом нет необходимости, поскольку цитируемый документ был опубликован другими исследователями ранее (так приведена, например, в «хрониках» выдержка из дневника В.В. Иванова; см. с. 355).

Архивные документы тоже не получили должного внимания при подготовке к печати. Текст стихотворения «Как и чем я к жизни привязана…» на с. 92–93 дан со ссылкой на тетрадь Н.А. Шкловской из архива А.А. Блока, который хранится в РО ИРЛИ. Ссылка приведена лишь на номер единицы хранения (№ 66), но не на конкретный лист, в то время как две строфы вряд ли занимают всю тетрадь. Я обратился к автографу[6]. Оказалось, что публикаторы не только неверно привели первое слово в строфе (должно быть «Кем», а не «Как») и изменили пунктуацию, но и произвольно отбросили четыре строфы, фактически обессмыслив текст. В напечатанном Громовой и Поздняковой варианте произошло сомнительное столкновение двух метафор: «Как мне вырваться из этого омута» в конце второй строфы и «Так узник, забытый в горящей камере / Бьется в ужасе из угла в угол» в начале четвертой.

Вообще же творчество Шкловской (показательный факт: ее стихотворение собственноручно переписал и вклеил в альбом «Цветник» А.М. Ремизов[7]) представлено не самоценно, а лишь как иллюстрация к представлениям авторов о том, что ее волновало и чем она жила. Содержание остроумного стихотворения — разговора ребенка с родителем о Красной Шапочке и волке — «Папочка, папа! Послушай, папа!», которое заканчивается словами «Бедненький, как он хотел кушать!», авторы соотносят с событиями из личной жизни Шкловской: «Наталья давно отказалась от своих революционных увлечений. <…> В стихах — те же мотивы: тос-

3 См.: Мастера современной литературы / Под ред. Б.В. Казанского и Ю.Н. Тынянова. Сб. 1: Михаил Зощенко: статьи и материалы. Л.: Academia, 1928.

4 См.: Прожито (URL: https://corpus.prozhito.org/person/1110).

5 Это будет как трамвай: История Никиты, сына писателя Виктора Шкловского, в рисунках и воспоминаниях, собранных Натальей Громовой и Машей Вайсман. М.: Август, 2021. С. 16–17.

6 РО ИРЛИ. Ф. 654. № 66. Л. 6. За помощь в работе с этим документом благодарю научного сотрудника РО ИРЛИ В.В. Турчаненко.

7 См.: ОР РНБ. Ф. 634. № 17. Л. 14.

ка, пустота, одиночество. Неожиданно — диалог об относительности ценностей» (с. 216). Неужели произведения всегда должны отражать только состояние поэта? И почему смешное стихотворение о непосредственности детского восприятия — об относительности ценностей?

Примером неумелой работы с источниками является глава «“Во многом виновен перед временем и самим собой я, Виктор Шкловский”. 1928–1968. Виктор Шкловский, Михаил Зощенко, Борис Пастернак. Тяжесть вины», значительную часть которой составляет рассказ о заседании Президиума Правления Союза советских писателей, прошедшего 6 декабря 1943 г. Авторы оказались неспособны сопоставить цитируемые ими же источники и верно на них сослаться. Вот что сообщают Громова и Позднякова:

«...когда в 1943 году вышла первая часть повести Зощенко “Перед восходом солнца”, Шкловский, прочитав ее, сказал: “Миша, ты гений!”

Однако затем последовала жесткая критика Зощенко. 2 декабря 1943 года вышло постановление секретариата ЦК “О контроле над литературно-художественными журналами”. Книга Зощенко была названа “политически вредной и антихудожественной”.

6 декабря Агитпроп созвал заседание президиума Союза советских писателей, на котором обсуждался журнал “Октябрь”. Повесть “Перед восходом солнца” стала главной темой заседания» (с. 440–441).

Далее авторы приводят фрагмент выступления Зощенко на собрании и тут же переходят к событиям середины лета следующего года:

«20 июля 1944 года Зощенко вызвали на допрос <...>. Зощенко поведал чекисту, что многие ответственные работники <...> до начала проработочной кампании повесть хвалили, а затем в одночасье поменяли свое мнение на противоположное.

В качестве примера подобного двурушничества писатель назвал Виктора Шкловского. <...>

Раздосадованный на прежнего друга, Зощенко написал записку <sic!> Шкловскому. Хотя, может быть, эта записка без даты относится к другому времени.

“Витя, ты сказал так сильно и едко, что только очень тупые люди могли не услышать. А я после тебя не могу говорить — я почти равнодушен к тому, что тебя тревожит. Я не верю, что искусство сейчас возможно. Даже в малой степени. И что говорить — слова повиснут в воздухе. Как, в сущности, повисли и твои великолепные слова. От этого погода не изменится. Даже если б мы с тобой тут плакали.

Твой несчастный Зощенко”» (с. 442).

Именно что к другому времени! Если бы авторы потрудились найти первую публикацию записки, они бы узнали, что чуть ниже рукой Шкловского добавлен текст: «Это записка Зощенко ко мне во время заседания президиума 1943»[8].

Но Громова и Позднякова предпочли воспользоваться формулой «цит. по» и сослаться на статью Б.М. Сарнова, который, в свою очередь, ссылался на В.В. Перхина и подчеркивал, что записка найдена и опубликована недавно. Более того: вопреки их указанию, записка приведена Сарновым не в статье «Виктор Шкловский до пожара Рима»[9], а в ее продолжении — «Виктор Шкловский после пожара Рима», опубликованном спустя восемь лет[10]. Причина ошибки понятна — со статьей Сарнова Громова и Позднякова ознакомились по электронному варианту, который

8 Записка М.М. Зощенко В.Б. Шкловскому / Публ. В.В. Перхина // Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 3. СПб.: Наука, 2002. С. 214.

9 *Сарнов Б.* Виктор Шкловский до пожара Рима // Литература. 1996. № 21. С. 2–3.

10 *Сарнов Б.* Виктор Шкловский после пожара Рима // Литература. 2004. № 30. С. 9–15, 18–22; № 31. С. 9–15, 18–24.

предуведомлен редакционным примечанием: «Статья Б.М. Сарнова “Виктор Шкловский до пожара Рима” опубликована в газете “Литература”, № 21/1996»[11].

Перечисленные выше огрехи — не самый большой казус в этой истории. Не зная (вернее, не желая узнать) верной датировки и обстоятельств создания записки, Громова и Позднякова упустили возможность показать благородную попытку Шкловского уйти от публичного осуждения друга и представили его подлецом. Хотя и Перхин, и вторивший ему Сарнов в своих работах указывали на обратное: «Шкловский <…> использовал <…> прием <…>. Не решаясь прямо защищать Зощенко, он повел разговор о сущности искусства вообще. <…> Зощенко это понял. Он не был против “великолепных слов” Шкловского. Но он не верил, что “искусство сейчас возможно”»[12].

Стоит ли говорить о таких мелочах, как неверное сокращение названия Рукописного отдела Пушкинского Дома (ОР вместо РО) или Красненькое кладбище, переименованное в одном из приложений в «Красненское» (с. 520). Особенно привередливым читателям я предлагаю также занести самостоятельно в именной указатель Г.А. Бялого со страницы 471. Но ни в коем случае не вносить на букву В мифического литературоведа Вялого. Бялый упомянут в постановлении партийной организации ИРЛИ от 30 марта 1949 г., известном авторам по второму тому «Идеологии и филологии» П.А. Дружинина, где опечатки в имени нет[13].

Подобных недосмотров и ошибок, мелких и довольно крупных, немало в книге. Пользуясь характеристиками, которые Г.А. Гуковский дал в статье «Шкловский как историк литературы»[14], о «Семейных хрониках» можно сказать: неполнота, случайность в подборе фактов, неточность сопоставлений, отсутствие сведений о происхождении и характере цитируемых документов, невнимание к уже имеющимся исследованиям по затрагиваемым в книге вопросам не дают возможность использовать эту биографию Шкловского в научной работе.

Книга о жизни семьи на фоне века имеет право на существование и должна быть написана. Но стоило ли приступать к решению такой глобальной задачи, если и в маленьких сюжетах не получается соблюсти достоверность? И есть ли смысл обращаться к книге как к серьезному биографическому исследованию? Боюсь, что на оба вопроса ответ один: нет.

---

11 Архив журнала «Литература» (URL: https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200403006).

12 Записка М.М. Зощенко В.Б. Шкловскому. С. 213. Ср.: «О Шкловском в отчете сказано только, что он тоже выступил в прениях. <…> Судя по этому газетному умолчанию и обращенной к нему записке Зощенко, Виктор Борисович под “автобус”, конечно, не кидался, но и участвовать в общем хоре хулителей гонимого писателя не стал» (*Сарнов Б.* Виктор Шкловский после пожара Рима // Литература. 2004. № 30. С. 15).

13 См.: *Дружинин П.А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: документальное исследование. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 357.

14 *Гуковский Г.* Шкловский как историк литературы // Звезда. 1930. № 1. С. 191–216.